

АНТОН АБРАМОВ

АЛИБИ ДЛЯ БОГА

АНТОН АБРАМОВ
Алиби для Бога

«Автор»

2026

Абрамов А.

Алиби для Бога / А. Абрамов — «Автор», 2026

В 2048 году у человека больше нет тайны. Система «Палладиум» видит маршруты, лица, привычки, страхи и будущие срывы. Она предотвращает преступления, спасает детей до первого удара, находит виновных до суда. Ей верят, потому что она слишком часто права. Лика Ратманова знает ее слабость: даже всевидящую машину можно обмануть. Она создает алиби для тех, кому нужен второй шанс, новое лицо, другая биография. Когда «Палладиум» начинает первый в истории процесс против Бога, Лика получает невозможную задачу. Не доказать чудо или защитить веру, а найти место, где живое свидетельство еще не принадлежит машине. Пока суд превращает человеческую боль в доказательства, Лика ищет тех, кого система уже успела приговорить: юношу, погибшего за преступление, которого он не совершил; мальчика, которому не оставили права на выбор; отца, сломленного страхом за дочь, и женщину, от решения которой зависит исход процесса. В мире, где все записано, последняя надежда начинается с того, что не вошло в запись.

© Абрамов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Слово автора	5
ПРОЛОГ. Перчатка	6
ЧАСТЬ I. Тень	10
ГЛАВА 1. Чужое лицо	10
ГЛАВА 2. Вероятность вины	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алиби для Бога

Слово автора

Когда садишься писать роман про суд над Богом, в комнату входит Достоевский и садится напротив. Молча. Курит. И ты понимаешь, что он будет сидеть тут всё то время, пока ты пишешь, и тебе придётся писать в его присутствии.

Это первое, что надо признать, — иначе книга не сдвинется с места.

Второе: я не Достоевский. Не претендую и не соревнуюсь. У него Иван не спрашивает, можно ли верить в Бога, — он почтительно возвращает Творцу билет, потому что цена входа оплачена детской слезой, а такой цены он принять не может. Это не вопрос. Это отказ, поступок, дерзость, на которую и сегодня мало кто способен.

Мой век дерзит иначе. Он не возвращает билет — он отменяет кассу. Зачем спорить с Богом о цене страдания, если можно построить систему, которая запишет каждую слезинку, вычислит виновного и предъявит счёт? Мы решили, что справимся сами. Что всеведение — это вопрос техники, а справедливость — вопрос объёма данных.

Об этом и роман. О том, что вышло, когда человек забрал у Бога Его единственную должность — видеть всё — и не взял с собой ничего из того, ради чего стоит видеть.

«Алиби для Бога» — книга о женщине, которая всю жизнь учила людей исчезать из поля зрения системы, видящей всё. Это её ремесло — создавать алиби, ложные следы, запасные личности. В мире, где каждое движение записано, она торгует тенью. И однажды к ней приходит заказчик, который просит создать алиби для Бога.

Я знаю, как это звучит, и не обещаю удобного чтения. Здесь слишком много боли, чтобы превращать её в развлечение, и множество вопросов, для которых нет правильных ответов. Эта книга не для всех, и я не собираюсь её делать удобной.

Но если вы дочитали до этой строки — значит, что-то в вас уже знает: идея книги настоящая. Мы построили систему, которая видит человека насквозь, и обнаружили, что всеведение без любви — это не Бог, а архив. Что прозрачность без милости — это не правосудие, а приговор. Что память без прощения — это не уважение к мёртвым, а тюрьма для живых.

Самая важная глава этой книги устроена очень просто. В ней почти ничего не происходит. Одна женщина не нажимает одну кнопку. Для меня весь роман шёл к этому движению. Не к победе, к паузе. Я верю в литературу именно из-за таких пауз. В них человек ещё не превращён в дело, система ещё не стала судьёй, вопрос ещё не продан как ответ.

За последнее время система видения, которую я в описал в книге, перестала быть фантастикой и стала повседневностью. Я опоздал на годы, но пришёл вовремя. Так бывает.

И последнее. Когда меня спрашивают, верующий ли я, я обычно отвечаю уклончиво. Здесь скажу прямо: я не знаю. Эта книга — не апология веры и не атеистический манифест. Это попытка вернуть вопросу его настоящий вес — тот вес, который он имел до того, как мы научились отвечать на него быстро. Наша эпоха слишком охотно отдаёт предпочтение быстрым ответам: религиозным, политическим, технологическим, судебным.

Достоевский всё ещё сидит напротив. Книга написана.

Теперь ваша очередь.

ПРОЛОГ. Перчатка

Лиссабон умер трижды: камнем, водой и огнём.

Первую смерть писарь Святой канцелярии обозначил латинским словом *tremori* вывел буквы с той ровностью, какая доступна людям, сидящим за уцелевшим столом среди мёртвого города. За окном горели кварталы. С потолка на листы сыпалась известь. Воск тёк по подсвечнику и застывал на медной тарелке.

Допрос мальчика начали вечером второго ноября.

В церковной книге он значился Томашем де Алмейдой, сыном торговца свечами и доброй христианки из прихода Сан-Николау. В доме, где говорили тихо, его звали Давидом Абраванелом. Оба имени уцелели; отец, мать, лавка, кровать, медный таз для омовений, комната с синими ставнями — всё ушло в городскую пыль.

Перед столом стоял ребёнок в чужой рубахе. Чужая ткань кололась на шее. Волосы ему остригли ножом у самого затылка, чтобы смыть пепел и вшей. На левой щеке темнела царапина от камня. В правой руке он держал монету с дыркой у края.

— Назови имя, — велел доминиканец.

— Давид.

Перо писаря застыло над листом.

— Томаш, — поправил монах.

Мальчик повторил крещёное имя с послушанием человека, которому жизнь оставили в долг.

Доминиканца звали отец Бартоломеу. Он умел говорить ласково так, что взрослые начинали плакать раньше детей. Капюшон лежал у него на плечах, лицо казалось вырезанным из серого дерева. Слева от него сидел офицер с перевязанным виском. Справа — старый врач, привлечённый для проверки бреда.

— Кто вынес тебя из церкви? — осведомился Бартоломеу.

Давид сжал монету.

— Человек в перчатках.

— Имя?

— Сен-Жермен.

Офицер поднял голову.

— Француз?

Мальчик посмотрел на него так, как смотрят на человека, спросившего о цене хлеба на погребении.

— Я видел в нём дорогу, а страны в нём не видел.

Писарь занёс ответ в протокол и подчеркнул последнее слово, чтобы вечером показать настоятелю.

Бартоломеу наклонился ближе.

— Опиши его.

Давид закрыл глаза.

В День всех святых он держал свечу у бокового придела и считал огни. Свечи спасали от страха: девять у статуи Николая, семь под образом Девы, три в руках женщин, чьи лица закрывали чёрные покрывала. Отец учил: считать можно всё, что боль отнимает у памяти. Число даёт миру край.

Земля ударила снизу.

Сначала вздохнули плиты. Затем раскрылась щель у алтаря. Хор проглотил псалом. Люстра сорвалась с цепи и разбила головы тем, кто молился под самым центром свода. Скамьи пошли рядами, как войско без командиров. Стена с апостолами дала трещину от пола до окна.

Сан-Николау потерял высоту.

Крыша легла на людей. Колокол упал внутрь башни. Камень придавил Давиду бедро. Он оказался рядом с купелью, где вчера крестили младенца из дома напротив. Над ним дрожала балка. Под щекой лежала чья-то лента. В темноте молился мужчина с голосом птицы.

Давид пытался позвать мать. Вместо крика вышла известь.

Свет в проломе закрыл человек.

Лицо у него было тонкое, старое у глаз, внимательное у рта. Перчатки цвета чая. Тёмный кафтан с высоким косым воротом пересекала золотая нить; такой крой не относился к ремеслу лиссабонских портных. На груди поблёскивала застёжка в форме знака, которого Давид раньше не встречал ни в лавках, ни на гербах, ни в церковных книгах.

Незнакомец присел перед завалом.

— Дыши.

— Не могу.

— Голос нашёл выход. Воздух найдёт вход.

Он освободил мальчику ногу коротким железным рычагом, работая без спешки, с точностью мастера, которому доверили дорогой механизм. Камень отошёл в сторону на толщину ладони. Давид вывернулся, вскрикнул и вцепился в чужой рукав.

— Мать, — прохрипел он.

— Дорога первая, мать вторая, — отозвался незнакомец. — Иначе потеряешь обе.

На улице город раскрыл комнаты наружу. В одном доме на втором этаже стоял накрытый стол: суповая миска, хлеб, два бокала, стул, отодвинутый к окну. Ниже, на мостовой, лежали книги из монастырской библиотеки. Страницы шевелились от жара. Над площадью летели хлопья пепла.

Люди бежали к Тежу.

Река уходила от берега, обнажая дно, якоря, обломки лодок, блеск монет в иле. Толпа ринулась за водой. Кто-то кричал о чуде. Купец с рассечённой бровью бросился собирать серебряные ложки. Женщина в разорванном платье смеялась с младенцем на руках.

Человек в перчатках остановился у угла склада.

— К холму.

Его слышали единицы.

— К холму, кому дорога жизнь.

Горизонт поднялся.

Вода вошла в город с царской прямою. Корабли ударили в стены складов. Пристань исчезла под белой яростью. Крик оборвался на всех улицах сразу, уступив место гулу, в котором слова теряли человеческую форму.

Незнакомец поднял Давида на руки и понёс вверх, к монастырскому саду. На повороте он принял из рук женщины младенца в синей пелёнке. Женщина стояла на краю трещины и улыбалась, глядя куда-то над его плечом.

— Он чужой, — выдохнул Давид.

— Чужих делают архивы, — ответил Сен-Жермен. — Бедствие знает родство лучше.

В саду уже лежали раненые. Старуха прижимала к груди серебряную чашу. Моряк перевязывал себе голову лоскутом паруса. Девочка без косы кормила младенца сахарной водой из напёрстка. Солдат сидел под апельсиновым деревом и шептал имена домов, которых больше не существовало.

Сен-Жермен поставил Давида у стены.

— Запомни этот сад.

— Зачем?

— Однажды у тебя потребуют точного ответа.

— Кто?

— Те, кто придёт после веры. Люди строгие, голодные до ясности. Они спросят, где был Бог, когда город падал.

— А где Он был?

Сен-Жермен снял перчатку с правой руки.

Пальцы оказались в шрамах. Свежих, старых, тонких, широких, пересекавших ладонь линиями множества дорог. Он вложил мальчику монету с дыркой у края и сжал его ладонь.

— Береги вопрос дольше ответа.

Давид открыл глаза в комнате для допросов.

Отец Бартоломеу смотрел на него пристально. Офицер барабанил пальцами по эфесу шпаги. Врач дышал ртом, утомлённый чужой памятью.

— Этот человек творил чудо? — уточнил доминиканец.

— Он видел.

— Видеть умеет всякий.

— В тот день всякий смотрел на себя.

Монах помолчал.

— Ты утверждаешь, он был послан Господом?

Давид разжал ладонь. На стол упала медная монета. На одной стороне пустовало место короля. С другой — буквы, похожие на латинские, но собранные в порядок, чуждый португальскому, испанскому и французскому языкам.

Писарь потянулся к ней, однако Бартоломеу остановил его жестом.

— Где он сейчас?

— В чужом рассказе.

— Ты дерзок, Томаш.

— Я устал, святой отец.

Доминиканец долго рассматривал ребёнка. За стеной трещал пожар. В городе гибли документы, брачные книги, долговые расписки, завещания, родословные, письма, доносы, обещания, признания. Мир терял бумажную память, и канцелярия торопилась собрать хотя бы странности.

— Записать: свидетель склонен к образной речи вследствие потрясения, — распорядился Бартоломеу.

Писарь повиновался.

На полях, рядом с фразой «человек в перчатках», он машинально вывел маленькую фигуру: высокий ворот, косая застёжка, поднятая рука. Рисунок вышел точнее слов. Через час лист высушили песком. Через день дело легло в ящик с показаниями о мародёрах, самозванцах, ведьмах, пропавших и найденных.

Через двести девяносто три года сканер «Палладиум-Свидетеля» прочтёт этот протокол в закрытом лиссабонском архиве.

Система отметит четыре расхождения: имя Сен-Жермен до устойчивого появления в европейских источниках; описание кроя, совпадающее с моделями конца XXI века; монета без известного чекана; фраза свидетеля о людях, «пришедших после веры».

Исторический модуль присвоит документу низкую надёжность.

Онтологический модуль отменит это решение через семь секунд.

В закрытом журнале возникнет строка:

ВНЕШНИЙ СВИДЕТЕЛЬ: ВЕРОЯТНОСТЬ 0

ОШИБКА: УСТОЙЧИВА

ПРОТОКОЛ: ОТЛОЖИТЬ ДО ЗАПРОСА О БОГЕ

ДАТА ПОВТОРНОГО ЧТЕНИЯ: 01.11.2048 / 08:16:59 WET

Так машина, созданная ради окончательной ясности, получит первый урок теологии из показаний ребёнка, которому велели сменить имя.

А над Лиссабоном всё ещё летел пепел, и Европа уже подбирала слова для вопроса, перед которым беднеет любой архив:

где был Бог, когда город падал?

ЧАСТЬ I. Тень

ГЛАВА 1. Чужое лицо

PALLADIUM WITNESS / LISBOA CIVIC CONTOUR

01.11.2048 / 08:17:03 WET

Событие: массовая идентификационная аномалия

Первичный субъект: G. Saint-Germain

Статус: архивный фантом

Протокол: наблюдать до классификации

В 08:17 утра Лиссабон узнал графа Сен-Жермена.

Имя вспыхнуло тринадцать раз за сорок две секунды: на станции Байша-Шиаду, у стеклянной галереи министерства, возле рыбного рынка, в лифте башни Васко да Гама, у входа в частную клинику, на хорах пустой базилики и среди туристов, которые шли к реке за чужой историей. У каждой камеры был свой человек; итоговое имя выходило одно.

Лица Ратманова увидела первый сигнал на внутренней линзе, когда вела клиента через нижний вестибюль метро.

Перед ней шёл мужчина в дешёвом сером пальто. На три шага впереди, на полшага левее основного потока, с бумажным пакетом в правой руке. Сегодня его звали Жуан Мареш. В паспорте, купленном за два месяца до операции, он родился в Коимбре, торговал керамикой, любил поздние поезда и имел привычку чистить апельсины спиралью. В системе гостиниц Мареш храпел. В городском облаке оставлял чаевые. В медицинской памяти страдал аллергией на миндаль, хотя настоящий человек в сером пальто ел миндальные пирожные без всяких последствий.

Лица собирала эту жизнь шесть недель.

Она дала ей счета, штраф за парковку, старую любовницу, шрам на подбородке, судебный спор с соседом, одну фотографию на школьном празднике и три маленьких стыда, без которых личность выглядела рекламным макетом. Хорошее алиби всегда нуждалось в небрежности. Слишком чистая биография вызывала у ББ то же чувство, что у врача вызывает младенец без плача.

На лице подопечного лежал слой МИРО.

Состав высох за двадцать минут и оставил на коже матовую перламутровую пыль. Обычный глаз видел усталого мужчину с редкой бородой и португальскими скулами. Камера получила другое: микрорельеф, тепловую карту, динамику века, ложный рисунок пор, искусственную память сосудов. МИРО работало как вежливая ересь: предлагало машине более удобную правду.

Лица любила эту формулу. Удобная правда. В ней держалась вся новая цивилизация.

На турникетах мужчина поднял голову.

— Не смотри в объектив, — велела она.

— Я и так не смотрю.

— Ты ищешь его глазами. Это хуже.

Он опустил взгляд к бумажному пакету. Внутри лежал детский деревянный конь, выбранный специально: дешёвая игрушка с ярмарки давала пассажиру причину беречь руку, замедлять шаг, оглядываться на витрины, улыбаться детям. ББ плохо переносил пустые жесты. Любой жест требовал мотива, и Лица заранее покупала мотивы оптом.

Турникет мигнул зелёным.
На линзе прошёл первый импульс.

PAL-W / городской контур

Объект: муж., 54–61

Совпадение: 91,4%

Имя: граф Сен-Жермен

Статус: архивный фантом

Риск: онтологический, низкий

Лица остановилась с такой резкостью, что женщина с кофейным стаканом ударила её в плечо.

— Осторожнее, *senhora*, — бросила та.

Извинение вышло одним жестом. Дальше. Только дальше. Пульс остался ровным; она натренировала сердце за годы службы в системе, которую теперь обманывала. Паника меняла походку. Походка меняла профиль. Профиль вызывал второй запрос. Второй запрос звал людей с оружием.

— Руф, — произнесла Лица через зубной передатчик. — Вижу лишнее имя.

В ухе щёлкнуло.

— Какое?

— Сен-Жермен.

Связь на миг побелела шумом. Где-то в подвале «Ателье Кассандра» Руф Мендес перестал дышать в микрофон.

— Это наш?

— Ты обязан знать ответ.

— Наши фантомы имеют префикс. Этот без префикса?

— Чистый.

— Тогда он пришёл из городского контура.

Лица провела Мареша к эскалатору. Поток пассажиров поднимался из глубины, лица всплывали одно за другим: сонные, раздражённые, нарисованные косметикой, отредактированные хирургией, усталые от собственного цифрового сходства. Над ними горели чёрные линзы муниципальных камер. Лиссабон давно научился смотреть сверху без выражения.

— Сен-Жермен закрыт в учебном архиве, — напомнила она. — Я похоронила его в тридцать шестом.

— Мёртвые файлы ходят лучше живых, — отозвался Руф. — Особенно твои.

— Найди источник.

— Уже.

Человек в сером пальто обернулся.

— Что случилось?

— Лишний свидетель.

— Человек?

— Хуже. Имя.

Эскалатор вынес их к свету. На площади Камозенса утро было жёлтым от рекламных экранов. Дроны доставки чертили над крышами короткие дуги. На фасадах домов висели окна. Наблюдения: официально — сервис городской памяти, фактически — тысячи глаз ББ, встроенных в балконы, фонари, киоски, остановки, уличные автоматы с водой.

На центральном табло шла социальная реклама «Палладиума».

ВАША ПРАВДА НЕ БУДЕТ ПОТЕРЯНА.

PALLADIUM WITNESS — ПАМЯТЬ, КОТОРАЯ ЗАЩИЩАЕТ.

Рядом женщина покупала каштаны для сына. Мальчик показывал продавцу язык, пока камера над навесом терпеливо считала его будущие привычки.

Ли́ка взяла клиента под локоть.

— Маршрут «Семь».

— В плане был «Три».

— План умер на турникете.

Они свернули к трамвайной линии. Старые жёлтые вагоны сохранили в Лиссабоне ради туристов, а подполье любило их за аналоговую глупость: металл, ручные двери, людская теснота, плохие углы обзора. ББ получал от трамваев данные с задержкой и раздражением. Машина умела реконструировать лица по отражениям в стекле, но дерево, латунь и человеческая давка портили ей настроение.

Мареш дышал часто.

— Меня уже видят?

— Тебя видят всегда.

— Тогда зачем всё это?

— Чтобы они ошиблись с выводом.

Вагон подполз к остановке. Ли́ка пропустила внутрь школьников, туристическую пару, женщину с клеткой для кошки, старика с букетом белых гвоздик. Клиента втокнула между ними и встала у двери. Её собственное лицо было сегодня лицом Риты Секейры, преподавательницы музыки из Эворы, вдовы, безупречной налогоплательщицы, обладательницы скучного календаря и прекрасной походки. Рита существовала пять лет. За это время она успела продать квартиру, проиграть суд с банком и один раз написать письмо министру культуры. По письму её идентичность стала окончательно живой: жалобы всегда убеждали лучше благодарностей.

Трамвай рванул вверх.

На линзе возник второй сигнал.

PAL-W / городской контур

Объект: жен., 32–38

Совпадение: 93,2%

Имя: граф Сен-Жермен

Статус: архивный фантом

Риск: онтологический, средний

На этот раз система смотрела на саму Ли́ку.

Лицо Риты осталось спокойным. Внутри груди прошёл короткий холод, чистый и рабочий. Две идентификации одного фантома в одном маршруте означали плохую новость. Три становились ловушкой. Тринадцать — чья-то рука.

Она подняла глаза к тёмному стеклу над дверью. Камера трамвая пряталась за рекламой фаду-вечера. Линза ловила пассажиров по очереди. На экране, встроенном в поручень, для каждого появлялся знак спокойной проверки: зелёный круг, зелёный круг, зелёный круг.

У Ли́ки круг стал золотым.

Золотой цвет в городском интерфейсе означал особую категорию. Системы любили классификацию. Красный принадлежал угрозе. Синий — медицине. Белый — неизвестности. Золото выдавали редким объектам: историческим артефактам, культурным памятникам, высшим чиновникам, лицам под защитой международного протокола и тем, кого ББ пока откладывал для себя.

— Руф.

— Вижу. Два совпадения у тебя, ещё пятнадцать по городу.

— Было тринадцать.

— Уже двадцать один. Один Сен-Жермен зашёл в клинику Санта-Мария. Второй покупает кофе у реки. Третий входит в министерство. Четвёртый сидит в трамвае номер двадцать восемь. Угадай, где ты.

Мареш схватил поручень.

— Это провал?

Ли́ка накрыла его пальцы своей ладонью и сжала так, чтобы он почувствовал боль.

— Боль возвращает внимание. Слушай меня. Через две остановки сходишь первым. Пакет оставишь на сиденье. Дальше пойдёшь без игрушки.

— В плане конь был до конца.

— Конь получил повышение. Теперь он свидетель.

В клетке у соседней женщины кошка жалобно тянула звук. Старик с гвоздиками перекрестился, хотя сигнал тревоги ещё не прозвучал. В городе, где ББ смотрел много лет, люди научились чувствовать изменение его взгляда раньше официальных уведомлений.

Трамвай замедлился у обзорной площадки.

Ли́ка шагнула к двери, прижалась плечом к группе студентов. Один из них держал прозрачный планшет. В отражении на стекле она увидела собственный профиль и, поверх него, системную подпись, доступную любому гражданскому устройству с активным слоем реальности:

G. SAINT-GERMAIN / проверяется

Студент моргнул. Его взгляд задержался на ней. Парень ещё не понимал, что именно увидел, но сеть уже готовила ему подсказку. Через секунду любопытство станет запросом, запрос — меткой, метка — ордером на внимание.

Ли́ка улыбнулась ему как Рита Секейра. Неловко, устало, с извинением за чужую близость.

Студент покраснел и опустил планшет.

Двери открылись.

— Пошёл, — приказала она Марешу.

Тот вышел. Бумажный пакет остался на сиденье. Рядом со стариком, гвоздиками и кошкой. Трамвай тронулся, унося деревянного коня вверх по холму. Через двадцать метров экран над дверью вспыхнул жёлтым.

ОБЪЕКТ G. SAINT-GERMAIN ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ

ББ последовал за игрушкой.

Ли́ка спустилась с клиентом в переулок, где дома стояли так близко, что между балконами можно было передать хлеб. Здесь камеры висели ниже, в решётках окон и фонарях, зато уличный сигнал дробился о старую кладку. В камнях Лиссабона жило множество эпох; цифровой порядок входил сюда с трудом, как чиновник в лавку старьевщика.

— Кто такой Сен-Жермен? — прохрипел Мареш.

— Никто.

— Система так не считает.

— Система любит уверенность. Она платит за неё чужой жизнью.

Они миновали табачную лавку, закрытую после смерти хозяина. На металлической двери ещё держалась бумажная икона святого Антония, исчерченная детскими просьбами. Камера над углом повернулась за ними. Ли́ка достала из кармана монету и бросила в ливневую решётку.

Монета ударилась о металл.

Под землёй проснулся маленький передатчик. В радиусе двадцати метров вспыхнули сотни ложных микросигналов: браслеты, старые телефоны, ключи, слуховые аппараты, медицинские чипы, детские маячки. Улица зашумела людьми, которых здесь не было.

— Десять секунд, — сообщил Руф. — Может, двенадцать.

— Всю жизнь мечтала о щедрости.

— Ли́ка, город поднимает серых.

В конце переулочка возникла первая пара.

Серые ходили в гражданском. Форму люди ненавидели, а нейтральную одежду принимали за отсутствие власти. Двое в одинаковых лёгких плащах, браслеты на запястьях, взгляд без суеты. За ними двигался третий, моложе, с медицинским кейсом. ББ любил приходить к гражданину с врачом: задержание называлось профилактической стабилизацией.

Лица повернула к клиенту лицо Риты Секейры.

— Сейчас ты упадёшь.

— Что?

— Красиво. С сердцем. Драматично.

— Я не умею.

— Учись на ходу.

Она ударила его двумя пальцами под рёбра. Мужчина согнулся, выпустил воздух, сполз по стене. Получилось убедительно. Женщина на балконе вскрикнула. Один из серых ускорил шаг.

— Ajuda! — крикнула Лица голосом Риты. — У него сердце!

Соседи высунулись из окон. На пороге булочной появился парень с мукой на рукаве. Старуха в домашнем платье начала спорить с серыми раньше, чем поняла повод. Лиссабон любил чужие несчастья громко и коллективно; в этом городе даже камера временами теряла власть перед живым любопытством.

Медик опустился к Марешу.

— Отойдите.

— Он мой брат, — взмолилась Лица.

— Документы.

— В сумке.

Она расстегнула молнию. Внутри лежали паспорт Риты, платок, две ампулы, короткий керамический нож, фальшивая коробка с лекарствами и тонкая пластина, которую в ателье называли «псалтырь». Пластина умела повторять чужие запросы к системе, если приложить её к официальному браслету.

Лица заплакала.

Слёзы были настоящими. Она давно научилась вызывать их без воспоминаний: щепотка сухого порошка под ноготь, лёгкое движение к глазу, и тело выдаёт достоверную скорбь. ББ читал слёзы плохо. Он отличал химию от чувства, но плохо понимал пользу разделения.

Серый с браслетом нагнулся ближе.

— Senhora, спокойно. Мы проверим его состояние.

Лица схватила его за запястье.

— Прошу вас.

Пластина коснулась браслета. Один удар сердца, второй. Доступ открылся на толщину щели. Руф вошёл из подвала ателье.

— Есть, — выдохнул он в канал. — Переписал вызов. У них теперь приоритет: мужчина на трамвае с деревянным конём.

— Благодарность приму деньгами.

— Сначала выберись.

Медик склонился над клиентом, вывел на ладонь диагностическую сетку. МИРО на лице Жуана Мареша начало конфликтовать с медицинским светом. Перламутровый слой давал артефакты: чужая сосудистая карта просвечивала поверх настоящей. Ещё десять секунд — и врач увидит невозможное.

Лица убрала «псалтырь», выхватила из сумки ампулу и раздавила в ладони.

Резкий эвкалиптовый пар ударил серому в лицо. Медик закашлялся. Мареш получил толчок коленом и понял задачу. Он вскочил с неожиданной ловкостью, опрокинул кейс, рванул к узкому проходу между домами.

Лица двинулась следом.

Серые среагировали быстро. Один поднял руку, и на улице зазвучало мягкое уведомление:

ГРАЖДАНЕ, СОХРАНЯЙТЕ МЕСТА. ПРОВОДИТСЯ ЗАЩИТНАЯ ПРОЦЕДУРА.

Люди всегда слышали в этом голосе заботу. Первые годы после внедрения ББ горожане даже благодарили систему за вежливость. Лица участвовала в подборе этой интонации. Её группа тестировала тысячу вариантов: материнский, судебный, медицинский, школьный, храмовый. Победил голос без возраста, с лёгкой усталостью того, кто уже простил вашу глупость заранее.

Она ненавидела свою работу с профессиональной нежностью.

Проход вывел их к лестнице. Вверх — семьдесят две ступени, вниз — тупик с мусорными контейнерами. Лица выбрала верх. Клиент спотыкался, цеплялся за стены, оставлял на штукатурке следы пальцев. МИРО держалось, но на правой щеке проступала трещина.

— Лицо, — предупредила она.

— Я знаю!

— Знать мало.

Она достала миниатюрный баллон и распылила на его щеку закрепитель. Тонкая струя легла ровно. Мареш зажмурился.

— Это жжёт.

— Хороший знак. Значит, кожа ещё твоя.

Внизу появились серые. Один уже вызвал лифт-дрон: круглая платформа поднималась вдоль стены, цепляясь магнитами за водосточные трубы. Лица вытащила из рукава плоский диск и метнула в сторону соседнего балкона. Диск прилип к решётке, дрогнул, развернул маленькое зеркало.

Солнечный луч ударил в камеру дрона.

Платформа сбилась на полметра, зацепила трубу и пошла боком. Серый прыгнул на ступени вручную. В этом было слабое место новой власти: она разучивалась бегать, когда техника обещала ей кратчайший путь.

Мареш выдохся у верхней площадки.

— Я не дойду.

— Дойдёшь.

— У меня нет сил.

— Силы редко спрашивают разрешения.

Лица сунула ему под язык таблетку. Старый стимулятор, грубый, запрещённый, зато честный. У клиента расширились зрачки. Он поднялся, ошалевший от внезапной энергии.

Наверху их встретил ветер с реки. Площадка выходила к маленькой церкви, зажатой между новыми жилыми капсулами. Над дверью висела камера «Палладиума», рядом — старый крест, обглоданный временем. Перед храмом стоял мальчик лет семи и ел гранат, пачкая пальцы тёмным соком. Он глядел прямо на Лику.

— Senhora, — обратился ребёнок, — почему у вас мужское имя?

Мать одёрнула его, но вопрос уже прозвучал.

На его детской линзе, дешёвой школьной модели, Лица увидела собственную метку:

G. SAINT-GERMAIN

исторический субъект / требуется проверка

Мальчик улыбался без страха. Для него мир, где над людьми висят подписи, был первым и единственным. Он ещё верил, что имя рядом с лицом существует так же естественно, как тень на камне.

Лица наклонилась.

- У взрослых имена иногда болят.
- Их лечит ББ?
- Иногда ББ заражает первым.

Мать схватила ребёнка за плечо и потянула к церкви. Камера над крестом повернулась вслед за Ликой.

Внутренняя линза вспыхнула новым пакетом данных от Руфа.

СОВПАДЕНИЯ: 47

ГОРОДСКАЯ КАРТА: распределение хаотичное

ПЕРВЫЙ ИСТОЧНИК: неизвестен

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ АНОМАЛИЯ: одно совпадение старше текущего часа

— Повтори последнее, — потребовала она.

— Одно совпадение датировано вчерашним вечером. Архивная камера у твоего дома.

Шум города отошёл в сторону.

— Покажи.

Изображение легло на внутреннюю линзу. Ночной подъезд, узкая лестница, облупленная плитка, камера над почтовыми ящиками. У двери квартиры Лики стоял человек. Высокий ворот. Косая застёжка. Перчатки.

Кадр был зернистым, но лицо система дорисовала с уверенностью.

G. SAINT-GERMAIN

доступ: нет данных

визит: 23:41

Мареш потянул её за рукав.

— Кто это?

Она закрыла изображение.

— Ошибка с хорошими манерами.

— Он был у вас?

— Молчать.

Серые вышли на верхнюю площадку. Теперь их было пятеро. ББ быстро доращивал реальность до нужного количества исполнителей.

Лица повела клиента к боковой улице, где стоял белый фургон городского клининга. На борту синел логотип: улыбающаяся капля и слоган **ЧИСТЫЙ ГОРОД — ЯСНАЯ ПАМЯТЬ**. За рулём сидела пожилая уборщица в жёлтом жилете. По документам — Мария ду Карму, муниципальная служащая, двадцать два года без взысканий. В жизни — одна из лучших выводящих в нижнем городе, бывшая актриса с голосом прокурора.

— Опоздали на четыре минуты, — проворчала она, когда Лица распахнула дверь.

— Город завёл нового святого.

— Святые всегда портят расписание.

Мареш забрался внутрь. Фургон пах хлоркой, цитрусом и дешёвым кофе. На стенках висели щётки, пакеты, запасные униформы, два кислородных баллона и ящик с меткой санитарных отходов. Именно туда Лица указала клиенту.

— Внутрь.

— Это мусор.

— Сегодня это гражданская защита.

Он залез в ящик, сгибаясь с мучительным стоном. Мария закрыла крышку и включила внутреннюю вентиляцию.

Лица села рядом с водительским креслом. Фургон тронулся за секунду до появления серых на улице. Камера на фонаре скользнула по номеру, сверила маршрут с муниципальным заданием и пропустила машину. Пластина Руфа уже вставила в городскую систему жалобу на

переполненные урны у набережной. ББ уважал бытовую предсказуемость: мусор редко стремился к метафизике.

Мария вела быстро, без резких движений.

— Кто в ящике?

— Человек с дорогой ошибкой.

— Хорошие платят вперёд.

— Он заплатил.

— Значит, плохой.

Лица повернула к окну лицо Риты. Фасады стекали вниз к реке: азулежу, бетон, стекло, старые балконы, новые датчики, бельё на верёвках, рекламные линзы, кресты, кондиционеры, камеры. Лиссабон стал городом, где прошлое висело рядом с устройствами наблюдения и обе стороны делали вид, что соседство их устраивает.

На площади перед рынком толпа застыла у огромного экрана. Там шёл экстренный гражданский бюллетень.

ВНИМАНИЕ. В ГОРОДСКОМ КОНТУРЕ ОБНАРУЖЕНА МАССОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ АНОМАЛИЯ.

НЕ ПЫТАЙТЕСЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО ПРОВЕРЯТЬ ЛИЧНОСТИ ОКРУЖАЮЩИХ.

ВАША БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНА.

Под текстом мелькали лица. Мужчина с кофе. Девочка на самокате. Монахиня. Курьер. Туристка в соломенной шляпе. Полицейский у министерского входа. Все проходили через один и тот же вывод:

G. SAINT-GERMAIN

Мария присвистнула.

— Красиво.

— Слишком.

— Твоих рук дело?

— Если бы моих, я бы взяла деньги за масштаб.

Фургон свернул к складам у воды. Здесь город пах солью, горелой проводкой и свежей краской: старые доки превращали в культурные пространства, рестораны, галереи, центры цифровой памяти. Между двумя павильонами оставалась санитарная зона, где муниципальные машины могли проехать без полной проверки. Двадцать три метра свободы, купленные Марией у начальника службы вывозки за редкий препарат для его жены.

Внутри зоны ждал второй транспорт: неприметный электрокар с логотипом частной прачечной. За его стеклом сидел парень в кепке, лицо скрыто тенью козырька. Лица узнала Элиаса Орхана по рукам: тонкие, быстрые, с татуированными цифрами у большого пальца.

Элиас вышел, открыл заднюю дверь.

— Это он?

— Ящик.

— Прекрасно. Всегда мечтал возить людей как бельё.

Мария хлопнула ладонью по крышке.

— Вылезай, дорогая ошибка.

Мареш выбрался красный, помятый, с трещиной на МИРО у виска. Лица придержала его за подбородок, осмотрела повреждение. Состав сходил. Под ложной португальской кожей проступали настоящие черты: северная линия носа, короткий шрам от старой операции, чужая усталость. ББ хватило бы одного чистого кадра.

— Элиас, свет.

Парень поднял портативный экран, заслоняя клиента от внешней камеры на павильоне. Лика работала быстро: сняла испорченный слой, нанесла новый микропаттерн, поправила линию бороды, запустила сосудистый шум.

Элиас наблюдал с явным отвращением.

— Люди раньше носили маски на праздник. Теперь — чтобы купить хлеб.

— Раньше люди жгли соседей при свечах, — парировала Мария. — Не делай из прошлого икону.

— Будущее тоже не храм.

— Храмом его делают трусы, мальчик.

Лика закончила восстановление.

— Спор оставьте богословам. У нас шесть минут до второго фильтра.

Мареш схватил её за рукав.

— Вы обещали вывести меня из города.

— Обещала дать вам шанс.

— Это другое.

— Дешёвые слова часто похожи.

Он сглотнул. В глазах поднялась злоба, знакомая Лике до скуки: клиент на середине операции всегда ненавидел того, кто спасает. Спасение унижало. Оно показывало человеку, как мало в нём власти над собственной жизнью.

— Если меня возьмут, я назову вас.

— Вы назовёте три имени, два адреса и один счёт. Все куплены специально для вашего мужества.

Элиас хмыкнул.

— Мне она тоже нравится, когда угрожает другим.

Лика повернулась к нему.

— Ты здесь водитель или хор?

— Сегодня хор на полставки.

Связь с Руфом ожила резким треском.

— Лика, у нас проблема.

— Выбирай слово дороже.

— Марфа Кестлер вошла в контур.

Мария выругалась по-старому, с морским размахом. Элиас перестал улыбаться.

Лика посмотрела на городские камеры вдоль дока. Их линзы были направлены в разные стороны, но ощущение взгляда стало плотнее.

Марфа Кестлер редко занималась полевыми мелочами. Директор Бюро онтологической безопасности приходила туда, где обычная полиция рисковала перепутать преступление с чудом, а саботаж — с ересью. Её присутствие означало, что ББ уже дал событию статус выше технического.

— Насколько близко? — уточнила Лика.

— Запрос из центрального узла. Она смотрит записи по Сен-Жермену. И ещё...

— Руф.

— Она открыла твоё старое дело.

Мирон.

Имя ударило без звука.

Лика убрала руку от клиента, иначе пальцы выдали бы дрожь. Старый ключ на цепочке под одеждой коснулся кожи. Она носила его двенадцать лет и ни разу не открыла дверь, для которой он был сделан. Квартира брата давно ушла в государственный архив, мебель продали, письма оцифровали, фотографии разложили по поведенческим кластерам. ББ оставил от Мирона больше данных, чем памяти.

— Лика? — Руф ждал ответа.
— Закрой старое дело.
— У меня нет такого доступа.
— Укради.
— Марфа уже внутри.

На экране дока бюллетень сменился. Появилась официальная шкала риска.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ АНОМАЛИЯ: УРОВЕНЬ 3

ГРАЖДАНАМ РЕКОМЕНДУЕТСЯ СОХРАНЯТЬ БИОМЕТРИЧЕСКУЮ ОТКРЫТОСТЬ

СОКРЫТИЕ ЛИЦА УСИЛИВАЕТ ВЕРОЯТНОСТЬ ОШИБКИ

Элиас тихо рассмеялся.

— Сними маску, чтобы система точнее тебя уничтожила. Какая забота.

Мареш попятился.

— Я дальше не поеду. Я сдаюсь.

Лика ударила его по лицу.

Звук вышел сухой, будничным. Мария подняла брови. Элиас одобрительно кивнул. Клиент прижал ладонь к щеке.

— Слушайте внимательно, — проговорила Лика. — Сдаться можно человеку. Машине сдаются иначе: ей отдают все версии себя, включая те, что ещё не успели стать вами. Вы хотите попасть к ББ с лицом, купленным у меня, с маршрутом, написанным мной, с фантомом Сен-Жермена на хвосте и с Кестлер в контуре. Для обвинения выйдет роскошная автобиография.

Он дышал ртом.

— Что мне делать?

— Жить до следующего угла.

Эта фраза сработала. Крупные планы будущего ломали людей. Ближний угол спасал чаще философии.

Они перегрузили клиента в электрокар. Элиас сел за руль. Мария ушла первой, ворча про испорченный график и святых без уважения к санитарной службе. Лика устроилась рядом с клиентом на заднем сиденье, развернула на коленях гибкий экран.

Маршрут через доки обнулился. Марфа перекрыла санитарную зону виртуальным ордером. Пришлось идти через нижний ряд складов, где проходили трубы охлаждения городского архива. Там ББ видел хуже: пар, бетон, старые экранированные стены, проводка времён энергетического кризиса. Плохое зрение машины стоило дорого, и Лика платила за такие места исправно.

Электрокар нырнул под навес.

Улица на секунду исчезла за серой сеткой строительной пыли. На внутренней линзе вспыхнули новые совпадения.

G. SAINT-GERMAIN / 63 объекта

G. SAINT-GERMAIN / 71 объект

G. SAINT-GERMAIN / 89 объектов

Лиссабон превращался в чужое лицо.

Камеры видели графа в женщине с детской коляской, в курьере, в монахе у закрытой базилики, в мальчике с гранатом, в Марии ду Карму за рулём санитарного фургона, в самом ББ через отражение на полированном стекле суда. Фантом расходился по городу как имя, забывшее тело.

— Руф, источник.

— Запрос странный.

— Мир полон странных запросов.

— Первый технический импульс идёт не из городской сети.

— Откуда?

— Из архивного слоя.

— Какого архива?

— Исторического. Лиссабонское бедствие. 1755 год.

Ли́ка подняла глаза от экрана.

— Повтори.

— В закрытом хранилище «Палладиума» есть старый протокол. Допрос ребёнка после землетрясения. Там фигурирует человек в перчатках. Имя то же.

Элиас тихо присвистнул.

— У нас призрак с документами?

Ли́ка не ответила. В голове всплыл кадр с её лестницы: высокий ворот, косая застёжка, перчатки. Визит в 23:41. До операции. До трамвая. До первого сигнала.

Город узнал его утром.

К ней он пришёл ночью.

Электрокар остановился у прачечной, спрятанной между складом вина и ремонтной мастерской для дронов. На вывеске значилось: **SANTA CLARA LAVANDARIA. ЧИСТОТА БЕЗ СЛЕДА.** Шутка была старая, но подполье любило старые шутки за выносливость.

Элиас открыл служебные ворота. Внутри гудели барабаны машин, клубился пар, пахло порошком, пластиком и горячей тканью. Две женщины в одинаковых халатах катили тележки с бельём. Ни одна не повернула головы.

— Ваш транспорт дальше, — указал парень. — Под мешками. Сорок минут до внешнего контура. Дальше люди Марии.

Мареш смотрел на Ли́ку с такой смесью ненависти и надежды, что лицо его наконец стало настоящим.

— Я выживу?

— Сегодня — да.

— А завтра?

— Завтра купите новую правду. Дороже.

Он хотел что-то добавить, но за воротами завывала городская сирена. Все линзы в прачечной одновременно мигнули золотым. Даже старые стиральные машины вывели на крошечных сервисных экранах одно и то же:

ОБЪЕКТ ИДЕНТИФИЦИРОВАН КАК: ОТСУТСТВУЮЩИЙ

Элиас поднял голову.

— Это уже не полиция.

— Нет, — отозвалась Ли́ка. — Это язык ББ, когда он не знает, какую форму выдать страху.

Руф снова вошёл в канал. Голос сорвался на шёпот, а значит, он увидел данные, которым верил меньше собственного ужаса.

— Ли́ка.

— Говори.

— Кестлер запросила полный доступ к твоим старым сборкам. Сен-Жермен, Мирон, модуль поведенческой неустойчивости. Всё в одном пакете.

— Она быстро работает.

— Есть ещё один файл.

— Название.

— «Процесс об Отсутствии». Доступ высший. Дата создания — сегодня, 08:17.

Ровно в ту минуту, когда город узнал графа.

Ли́ка сняла с лица Риты Секейры невидимую улыбку. Внутри осталась только усталость, острая и холодная.

Мареш забрался в тайный отсек под мешками. Элиас закрыл крышку, закрепил замки и хлопнул по металлу.

— Бог в помощь, дорогая ошибка.

Изнутри донёсся глухой стон.

— У нас для этого другие поставщики, — буркнул Элиас.

Лица подошла к стене, где висело старое зеркало для работников прачечной. Серебро потемнело по краям. В отражении стояла Рита Секейра: лицо вдовы, чужая походка, чужой возраст, чужая усталость. Поверх отражения внутренняя линза снова положила золотую подпись:

G. SAINT-GERMAIN

Она сняла линзу.

Мир стал грубее. Свет — честнее. Лица — опаснее.

На мгновение Лица увидела себя без интерфейса: тёмные волосы, резкий подбородок, след химического ожога у виска, глаза человека, который слишком долго торговал исчезновением.

— Руф, отправь мне запись с подъезда.

— Уже.

Файл пришёл без звука.

Ночной коридор. Плитка. Почтовые ящики. Камера с дешёвой зернистостью. Человек у двери Лики стоял неподвижно и смотрел прямо в объектив. Высокий ворот. Косая застёжка. Перчатки цвета старого чая. Лицо система дорисовывала с трудом, зато осанка выходила ясной: спокойствие гостя, который знает, что хозяин задержится.

В 23:42 он поднял руку.

Не постучал.

Приложил два пальца к двери, словно проверял пульс.

На экране появилась подпись, которой в городском интерфейсе раньше не существовало:

G. SAINT-GERMAIN

СТАТУС: СВИДЕТЕЛЬ

АДРЕСАТ: ЛИКА РАТМАНОВА

СООБЩЕНИЕ: АЛИБИ ТРЕБУЕТСЯ НЕ МНЕ

Запись оборвалась.

Прачечная гудела. Где-то за стенами кричали сирены. На другом берегу Тежу город продолжал множить чужое лицо, а ББ, машина окончательной ясности, открывал дело с названием, которое ни один юрист мира ещё не решился бы произнести вслух.

Лица вернула линзу на глаз.

Золотая подпись вспыхнула снова.

G. SAINT-GERMAIN / проверяется

Она впервые за много лет захотела, чтобы камера увидела её настоящей. Но настоящего лица под рукой не было. Только Рита Секейра, Жуан Мареш, архивный граф, мёртвый брат и человек в перчатках, который пришёл к её двери раньше собственного появления.

Первая глава новой жизни началась с чужого лица.

И чужое лицо знало её имя.

ГЛАВА 2. Вероятность вины

РА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.